



НЕЛЮДЬ

Екатерина Семёновна Наговицына родилась в Свердловске. Училась в Академии государственной службы при Президенте РФ, окончила Московский юридический институт и Государственный университет им. Б. Ельцина. Участник боевых действий на Кавказе. Майор спецподразделения МВД России. Кавалер ордена Мужества. Автор повестей и рассказов о проведении контртеррористических операций в горячих точках. Лауреат литературного конкурса МВД России «Доброе слово» (2011 и 2013 годы), премии им. В.Т. Станцева. Победитель Международного конкурса «Славянские традиции». Живёт в Екатеринбурге.

Костёр встрепенулся от подброшенной внушительной охапки сухостоя и, жадно захрустев ветками, благодарно загудел, весело салютуя искрами заходящему солнцу. Наступало его законное, костровое время, и, чувствуя это, он начинал теплом приманивать к себе людей, пока ещё занятых своими человеческими суетными делами, наперёд обещая, что стоит им сесть рядом, взглядеться в его переливчатые сокровища, и он тут же переключит настроение на особый лирический лад, уводя от хлопот и забот дневных к неспешным разговорам в сумерках.

И люди торопились, предвкушая отдых. Вот коренастый, с седой, косматой шевелюрой, мужик, похожий то ли на деревенского деда, то ли на медведя, глянув, как за горизонт скользнул последний луч солнца, сноровисто перехватил топор и ловко разрубил последнюю чурку. Осмотрел наколотые дрова и остался доволен.

«Хорош. Хватит», — сам себе пробормотал он, отерев пот с лица.

Вот второй — молодой, с улыбочиво-веснушчатым лицом рязанского парня — окинул взглядом темнеющее небо, в котором местами стали поблёскивать проявляющиеся звёзды. Проверил на прочность сколоченные из подручного, тут же у костра, стол и скамейки. Затем снял с поперечины, прихватив перчаткой, закоптелые котлы. В один, с кипятком, сыпанул добрую горсть чая. Из другого, с картошкой в мундире, слил воду.

По крутоватой тропке от небольшой речушки поднялась женщина. В одной руке она несла ведро, в другой — полотенце. Наконец-то после долгого дня ей удалось ополоснуться, и на милостивом, уставшем лице играл румянец от холодной воды. Она не торопясь оглядела поставленный палаточный лагерь, погружающийся в сумерки лес, дорогу и направилась к костру.

— Матвейч, судя по дровам, ты здесь на зимовку наметил оставаться, — улыбнулась женщина.

— Елена Васильевна, ты и без меня знаешь: запас карман не тянет. Да и осенние ночи зябкие. Денис, ну что, отужинаем?

— Так готово всё! Но чай надо будет немного подождать, — Денис гостеприимно пригласил к самодельному столу, где горкой лежал нарезанный хлеб и дымилась остывающая картошка.

— Добре. Нам торопиться некуда. Вся ночь впереди, — скамья под Матвейчем жалобно скрипнула, но выдержала.

Расселись. Каждый взял по картофелине, и, перекатывая горячие клубни по ладоням, начали чистить. Матвейч густо присыпал белую мякоть солью и, откусив, довольно крикнул:

— Хороша!

— Да уж! — всем своим видом поддержал утверждение Денис.

Дальше ужинали в тишине. Каждый думал о чём-то своём. Елена, судя по залёгшим глубоким морщинам, которые к её сроку пяти годам добавили пяток, — видимо, о заботах.

Денис подолгу вглядывался в переливы костра, неслышно шевелил губами, наверно, складывая строчки нового, ещё не рождённого стихотворения. Затем словно спохватываясь, откусывал от картошки и, пока жевал, вновь проваливался в творческий процесс. Матвейч же, удобно расположившись, ел не спеша, то и дело хозяйственно поглядывая по сторонам, очевидно, размышляя, всё ли за этот день сделано как надо.

Сумерки сгустились, высветив пятак вокруг костра. Денис разлил чай и только хотел передать кружки, как из темноты леса послышался равномерный, размеренный стук. Словно кто-то палкой о ствол дерева ударяет, но без азарта, а так, с расстановкой: тюк... тишина... тюк... снова тихо... и опять... тюк. И вроде

рядом совсем, а в то же время из зачернённой чаши.

Денис чуть кипятком не облился, вздрогнув от неожиданности.

— Что это? Ветер?

Да только как назло — тихо, ни одна ветка не шелохнётся. Костёр притухать стал. И хотя тепло дневное ещё задержалось, а всех озноб колкий пробил. Матвеич поёжился:

— Плохо дело...

Денис аж на шёпот перешёл:

— Матвеич, это что? Зверь, да?

Но тот вдруг резко одёрнул:

— Тихо. В костёр смотри! Не оборачивайся! — и сам взгляд в землю потупил.

Денис чуть не взвыл от непонятной навалившейся жути и от запрета обернуться. Заёрзал, но перечить поостерёгся, да и Елена Васильевна на него шикнула, а сама так же, как велел Матвеич, в костёр уставилась. У Дениса, словно у пса, загривок вздыбило, когда он почувствовал, что словно стоит кто за спиной. Стоит, смотрит, но не дышит! И это «недыхание» было настолько ужасным, что по телу волной холод прокатил да в ноги опустился, и они словно заledenели, отяжелели и обездвижались.

А Матвеич, по-прежнему не отрывая взгляд от костра, что-то бормоча, взял ломоть хлеба, разломил пополам, одну часть кинул через левое плечо, а другую — в костёр. Затем ухватил по доброй щепотке соли и повторил:

одну за спину сыпанул, другую в костёр отправил. После чего вытянул из кармана платок, быстрым движением разорвал по середине и повторил то, что сделал с хлебом и солью. Костёр жадно подхватил подношение, вострепнувшись пламенем, и словно всё вокруг отмерло, зашевелилось. Ветерок легко проскользнул. Деревья зашумели, зашелестели листвою. Птица запоздало где-то вскрикнула. И навалившаяся оторопь вмиг прошла, словно и не было ничего. Как и не стало пугающего стука. Денис, почувствовав изменение вокруг, вопросительно, исподлобья, глянул на женщину, которая быстро, украдкой, перекрестилась, затем на мужчину:

— Матвеич, это что? У меня чуть мотор не встал!

Тот подумал минуту, словно взвешивая, рассказывать или нет, и, решившись, начал:

— Бабка моя, Клавдия, давно покойница, рассказывала, что иногда в лесу, между вечером и ночью, к костру может выйти... некое существо, имя которому Палсмурт*. Хоть и относится он к низшим духам, но выглядит как человек. А вернее, как полчеловека. С одной ногой, с одной рукой и одним глазом. Предвестник его появления — вот такой размеренный стук. А потом раз — и уже за спиной стоит. Ждёт. И, как бабка говорила, кто в этот момент обернётся, со взглядом его рыбьим встретится, тот против воли вопрос ему задаст: «К

добру или к худу?» И Палсмурт, словно в насмешку, смрадно прошепелестит: «К худу!» Потому как злой он и добра по определению никому не делает. Ну а несчастливца, кому худого пожелает, — у того либо из домашних кто в ближайшее время помрёт, либо сам преставится. Поэтому предки мои вокруг костра калёным ножом большой круг очерчивали и подношение духам у опушки леса оставляли. Вот такая нежить...

— А ты что пришёптывал? Заговор какой-то специальный знаешь против... этого... как ты его назвал?

— Палсмурт. Нет. Не знаю. Бабка что-то говорила мне, мальку, да только давно это было. Запомнил. А тут такая оторопь на меня напала, что кроме как «Господи помилуй!» вообще ничего выговорить не смог, хотя верующим себя особо никогда не считал.

— Ой уж, оторопь на тебя напала, я вот чуть сознание от страха не потеряла! — попыталась улыбнуться женщина. — Прямо ведь натуральное такое ощущение возникло, что стоит нечто у меня за спиной и затылок взглядом жжёт. Если бы ты шаманить не стал, я бы не выдержала и, честное слово, обернулась! А сейчас-то можно оглядеться?

Мужчина кивнул. Все трое осторожно осмотрелись, не увидели ничего ужасного или подозрительного и облегчённо выдохнули. Денис передал всем чай.

Елена, обхватив заочеченными пальцами горячую кружку, вдруг вспомнила:

— А моя бабуля, царствие ей небесное, когда мы у неё в деревне летом гостили, остерегала нас, детей, по одному в лес за кладбищем ходить. А он там действительно какой-то странный был, тёмный. Сосновый. Но деревья все кривые, низкорослые, разлапистые. Правда, грибов белых там, на удивление, полно росло. Так вот бабуля нам, внукам, говаривала: «В лес за погостом не шастайте, а если уж понесёт вас лешак туда за грибами, то друг к другу чтоб близко шли, и старшие за младшими впригляд!» Мы ей: «А почему, баба?» А она нам тогда про белую женщину без ног напоминала. Вроде как парит она в воздухе, платье болтается, а под ним ничего, пустота, но зато руки длинные, пальцы крючковатые, ногти жёлтые. Зовут её вроде... Зайан*. И вся жуть в том, что пойдёт так человек по какой надобности в лес один, идёт себе, грибы-ягоды собирает или веники режет, вяжет. Вокруг ни души. Обернётся, а перед ним уже Зайан. Висит безмолвно, лицо-то сплошь белыми длинными волосами завешено, и если ей человек этот приглянется, то цап его ногтями за лицо — и утащит. И нет никакой возможности у человека её силе противиться. Потом, правда, таких потеряшек находили повешенными в гуще леса. Ноги над землей болтаются, а рядом

ни пенька, ни уступочка... Вот такая история. Одно слово — нечисть.

Денис поёжился. Встал, подкинул в костёр дров и долил себе в кружку чая.

— У меня бабушек не было. Умерли ещё до моего рождения. Но однажды отправили меня родители в лагерь, на летний отдых. Компания нас, подrostков, подобралась что надо. Сдружались с Васькой, Егором и Серёгой накрепко. За нами, двенадцатилетками, поставили воспиталкой деваху молодую. Так у неё там своя любовь-морковь случилась с физруком, поэтому она особо за нами не шпионила. Лагерь наш, «Мечта», в лесочке находился, недалеко речка была. Ну, мы потихоньку то на рыбалку смоемся, то по леску шаримся, в войнушку играем. А однажды Васька, весь такой деловой, прибегает и говорит, что воспитка ночью, после отбоя, на свиданку с хахалем своим сговорила. Ну и предложил нам вроде как спать лечь, а потом потихому, чтобы девки не сдали, на речку смыться, костёр развести, хлеба пожарить, рыбу половить. Так сказать, посидеть по-мужски. Мы от такого предложения в восторге. Днём сходили, место присмотрели, дров, валежника натаскали. За ужином полные карманы хлеба насовали. В общем, подготовились. Ну, и всё у нас как по маслу прошло. Воспитка только за двери — мы

со своей комнаты в окно. Пробрались до места, как спецназовцы, кустами да оврагами. Костёр развели. Сидим, треплемся. О девках, конечно, разговоры все: кто дура, кто красотка, но тоже дура. Кто кого на дискотеке пригласить хочет, чтоб, значит, между нами какой неудобняк не вышел. Друзья же всё-таки. Мушжики.

Прилично посидели. Хлеб уже почти весь съели. А ночь теплощая, июльская. Кто-то из нас предложил искупаться. Подорвались, шорты, футболки скинули и вроде как рванули уже заныривать, смотрим — а Васька даже не шелохнулся, за коленки себя обхватил и сидит. Мы ему: погнали! А он вначале вроде ссылался на фигню какую-то, а потом говорит, мол, пацаны, не ходите купаться. Нехорошо это. После двенадцати.

Хотел я ему тогда что-то про ссыкло ляпнуть, да только трусом он уж точно не был. Ну, после наших расспросов колонулся, рассказал нам чудное. Что, мол, в речках иногда прячется Анчутка*. Бес такой, беспальный и беспятый, но быстрый. Так вот, если после полуночи в речную воду нырнуть и под водой глаза открыть, то Анчутку и увидишь. А как его многоглазую ухмыляющуюся морду узришь, то тут же потеряешь, где низ, где верх. Куда всплывать? Ну и, ясно дело, потонешь. Тут тебя Анчутка и приберёт. Под корягу

зацепит, и когда тело раздует, вместе с рыбами до костей обглодает. Очень любит глаза да язык выедать у утопленников.

Мне тогда вроде и жутковато сделалось, но захотелось себя совсем по-взрослому поставить. Фыркнул, что, мол, детские страшилки, и в речку полез. А там, скорей всего, рыба крупная на приманку приплыла и меня своим холодным хвостом по ногам погладила. Так я, чего таить, как ошпаренный с криком выскочил. Ну, мы после этого по-пионерски костёр потушили и по-бырому¹ обратно. И такой чудесной, уютной кровать в ту ночь показалась, что описать сложно. А купаться я в то лето даже днём больше не лазил. Потом, конечно, забылось, отпустило. А вот сейчас вспомнилось...

Вдалеке коротко просигналила машина, и тут же затрещала рация, предупреждая, что едут свои. Но Денис всё равно притянул к себе автомат и поднялся навстречу выехавшим по ухабистой лесной дороге двум автомобилям — «Ниве» и «Батону». Матвеич и Елена тоже встали, поприветствовав водителей и вышедшего из «Нивы» мужчину в полевой форме. Даже в темноте наступающей ночи в прибывшем чувствовался странный замес из внутренней вздыбленности и многодневной усталости. Он подошёл, пожал всем руки, быстро, деловито окинул взглядом

палатки и сел к костру, протянув к огню ладони.

— Хорошо у вас... Елена Васильевна, солнце наше, всё у вас готово? Завтра-послезавтра ждите, раненых к вам повезут. «Батон» с Петровичем в подмогу оставлю. На днях эвакопоезд подойдёт. Дальше — сами знаете, что делать, не мне вас учить. Матвеич, операционная готова?

— Так точно, товарищ полковник! — отчеканил тот.

— Ну а ты, боец, как себя чувствуешь? Зажила нога? — обратился он к Денису.

— Затягивается. Осколок вынули, зашили. Думаю, через неделю буду как новенький.

— Вот и славно. Приглядывай здесь. Чтоб ни одна чёртова холера наших докторов не огорчила!

Елена протянула полковнику кружку с чаем, но тот отрицательно качнул головой и вытянул из кармана фляжку, открыл крышку и, сделав несколько внушительных глотков, предложил присутствующим, но все отказались.

— Тимофей Павлович, что случилось? — спросила женщина. Она впервые видела этого всегда собранного, сильного, спокойного офицера в таких растрёпанных чувствах.

И он, посмотрев ей прямо в глаза, помолчал, подыскивая слова, и кивнул в сторону машин.

— Там. Ребятишек мы вам привезли. Девочку пяти лет и

¹ По-быстроу (мальчишеский сленг)

мальчонку, четыре годика. Проверяли сейчас машины со знаком «беженцы». В «реношке» мужчина за рулём, с ним жена, ну и детишки эти на заднем сиденье сидят, глаза по полтиннику. Мужчина вышел, документы на проверку подал, вежливый такой. Жена в машине сидит, внимательно за всем наблюдает. А у сержанта нашего, который машину осматривал, дома такие же по возрасту ребяташки. Ну, он возьми и спроси их: «Куда с родителями едете?» А девочка ему в ответ прошептала: «А это не наши родители...» — полковник ещё отхлебнул из фляжки. — Представляете, они, бандеровские шкуры, и впрямь мужем с женой оказались. Родителей прямо на глазах у малышей убили и в канаву сбросили. А им сказали, что если те вякнут, то там же окажутся. В общем, решили под прикрытием детей из окружения выскочить.

Помолчал и добавил, словно выдохнул:

— Нелюди!

Палэсмурт (Палсмурт) — буквально «половинный человек», персонаж удмуртского фольклора, антропоморфное существо. В отличие от лешего (хозяина леса) Палэсмурт всегда представлен как враждебное людям существо: он может напугать человека, зацекотать его до смерти, встреча с ним рассматривается как предвестник несчастий.

Зайан — персонаж фольклора северных народов, живёт в лесу или около гор. Не имеет ног, лицо закрыто волосами; когда она показывает своё лицо, человек безвольно совершает самоубийство.

Анчутка — в восточнославянской мифологии злой дух, но в отличие от духов природы или дома, которые обычно могут не только вредить, но и помогать, Анчутки исключительно злы, коварны, вредят живым существам. По своему образу Анчутка максимально схожа с бесами и чертями христиан.